

МАРИНА СЕМЕНОВА

УБИТЬ
НЕЛЬЗЯ
ПОМИЛОВАТЬ

Марина Михайловна Семенова

Убить нельзя помиловать

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39335779
Strelbytskyy Multimedia Publishing; Киев; 2018
ISBN 9780887150111*

Аннотация

Мы все приходим в этот мир чистыми и искренними, словно январские снежинки, с щенячьим желанием любить и быть любимыми. Но, обжегшись не раз и не два, сполна нахлебавшись людского предательства, продравшись через боль и одиночество, мы неожиданно открываем в себе еще одно, не менее сильное желание, желание – мстить. И понимаем, что у нашего сердца есть и другая сторона, темная неизученная, страшная. Но, жизнь не стоит на месте. Жизнь снова меняется, и приводит за собой очередное понимание – нет, это – не сторона, а лишь темная полоса, через которую нужно просто перешагнуть, как через ночь, как через дождь, и на самой окраине своего одиночества встретить совсем других людей. Встретить и начать заселять ими своё пустынное сердце. Все книги Марины Семенович написаны о любви... И только одна, только эта – о ненависти. Одна единственная книга о женской ненависти, о темной стороне ее сердца. Эта книга о ненависти, которая, какой бы огромной не казалась, всё равно – всегда меньше любви.

Марина Семенова

Убить нельзя помиловать (жизнь расставляет запятые)

*Наивный, избрав путь к просветлению,
в какую тюрьму ты спрятал свою темную
сторону?*

*Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю смерть, что рыщет, все губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю всё...
Но, только не себя.*

Франсуа Вийон

Я хочу, чтобы он умер. Я хочу этого уже много лет. Я хочу этого так сильно и так часто, что один знакомый психотерапевт посоветовал написать об этом книгу. Видимо, он просто устал апеллировать к моему здравому смыслу, призывать к прощению и предлагать отпустить ситуацию. Потому что прощать я никого не собираюсь, а ситуацию отпущу только если, придя на кладбище, увижу на свежезакопанной могиле надпись – «Здесь покоится с миром»... А дальше – имя и фамилия моего бывшего мужа.

С миром?... С каким, к черту, миром! Здесь покоится с ненавистью, с моей безусловной ненавистью, от которой я смогу избавиться лишь закопав её вместе с ним, уложив рядышком в одну могилу.

А у вас? У вас никогда не возникало желания кого-нибудь убить? Ну, хотя бы раз в жизни? Нет, не так, чтобы в сердцах и во время ссоры, а много лет спустя, когда кажется, что всё уже давно улеглось, забылось, стёрлось, истлело, когда уже все сроки вышли? И в твоей жизни все хорошо, все сложилось с другим человеком, с более достойным... Да, не более, а в тысячу раз лучше! Но, все равно, время от времени на тебя накатывает яростная, ослепляющая волна ненависти. Так прошлое напоминает о себе. Да-да, твое прошлое периодически напоминает о себе. Потому что этот человек – он же не умер. И не купил билет на Марс, не улетел туда, чтобы вернуться через тысячу космических лет. Он даже не уехал в другую страну или, хотя бы, в другой город. Нет, он живёт рядом, на соседней улице и периодически подбрасывает сухие веточки в твой тлеющий костер незаживающих обид. Собственно говоря, из-за этих самых веточек – и тлеющий.

Это вошло в привычку не сразу. Поначалу ярость налетала вихрем, поднималась изнутри, не давая думать, видеть, дышать. Именно так – налетала и поднималась. Снаружи и изнутри. Казалось, что вселенная не просто пропиталась твоей ненавистью, набухла ею, насытилась, она из нее сотка-

на. Будто ты, в одночасье, перезамесила её под себя. Вернее, не под себя, а под свое необъятное всепроникающее чувство ненависти, отравившее не только душу, сердце, печень и легкие, а – все вокруг. Вот как сильно я в ту пору ненавидела.

И тогда, чтобы не сойти с ума, чтобы просто не выгореть дотла, я стала каждый вечер перед сном придумывать своему обидчику страшную месть. Каждый вечер – новую мучительную смерть. Всенепременно – мучительную! Со временем это превратилось в своеобразный ритуал, стало моим успокоительным, таблеткой снотворного. Но, это лишь со временем, а тогда, в самый первый момент, я никак не могла успокоиться. Родившись в ответ на предательство, обретя плоть, наевшись досыта обиды и боли, моя ненависть росла и ширилась, а достигнув своего предела, все равно продолжала расти.

Уже потом, много позже, я поняла, что не меньше самой ненависти тебя убивают мысли о ее разрушительной силе и, упорно навязываемое всеми, чувство вины. Чувство вины за чувство ненависти. Везде пишут и говорят о том, что ненавидеть – это плохо, что ненависть, это – яд, который тебя же и разрушает, что нужно научиться отпускать, прощать и прочее бла-бла-бла. Они не понимают, что убивает тебя не ненависть, тебя убивает – неотомщенность, безнаказанность, несвершение акта возмездия. Справедливого возмездия.

Мною всегда не понималось – почему быть распоследней сволочью можно, а ненавидеть за это – нельзя? Почему, если человек сделал тебе плохо, ты не должна хотеть, чтобы ему тоже было плохо? Вместо этого, ты должна «простить и отпустить». С какого такого перепугу? И что за дурацкое слово «отпустить», если я никого не держу? Если это она, ненависть, держит меня, вцепившись в горло и не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я же её не звала, не приглашала, она пришла сама и поселилась в моём сердце, в моей душе, в моем теле. Поселилась и все там испаскудила.

И ведь хочется всего какой-то малости – закономерного торжества справедливости. Тебе хочется отмщения. Тебе хочется, чтобы твой бывший был наказан. Но, вместо этого ты узнаешь, что у него все хорошо и, рассматривая его фотки на ФБ, где он постит свои и жёнины телеса на всех пляжах мира, ты мечтаешь о том, чтобы его смыло волной с этого самого пляжа, чтобы солнце опалило его кожу, выжгло глаза, печень и селезёнку и чтобы, в конце концов, уничтожило жирное мерзкое, такое ненавистное тебе тело, превратив его в пепел, который его новая супруга привезет домой в баночке из-под арахиса.

Но, ты смотришь на фото и понимаешь, что не такой уж он и жирный. Наел, конечно, как и ты, пару килограмм за эти годы, но не так, чтобы критично. И тогда ты фантазиру-

ешь, представляя, что таки – наел. И тебе уже видится, как твой бывший не просто наел живот и бока, а разжирел до невозможности, до необъятных размеров, когда уже не то, чтобы на пляже раздеться, а вообще – ни сидеть, ни ходить, ни дышать. Да-да, не «дышать» – это главное! Больше всего на свете ты хочешь, чтобы он задохнулся, чтобы однажды он перестал дышать.

И однажды, в какой-то момент, ты вдруг понимаешь, что таки – да! Да, ты не идеальный человек! И ты больше не любишь всех людей на планете Земля. Более того, ты и не обязана их любить. Ты не обязана любить свою соседку с лицом цвета протухшего фарша, которая курит на лестничной площадке самые ядовитые в мире сигареты. Ты не обязана любить водителя маршрутки, врубившего во всю дурь пошловатые песни и уступать место бабушке, упершейся в твоё плечо с силой, равной давлению поршня паровой машины. И, как только ты перестаешь себе врать, как только разрешаешь себе быть недостаточно хорошей, как только ты позволяешь себе по-настоящему ненавидеть своего обидчика каждым миллиметром своего тела, мозга и сердца, как только ты отпускаешь свою ненависть на волю, в свободный полет, в открытое плавание, и говоришь себе – да, я плохая, да, я ненавижу своего бывшего всеми клеточками своей раскромсанной болью, изъеденной обидой, опаленной жадной отмщения души – тебе становится легче. Тебе становится

всё равно. То есть совсем. То есть абсолютно.

Оказывается, все эти годы ты не так уж сильно хотела убить своего бывшего, как жаждала торжества справедливости. Ведь нельзя, чтобы зло оставалось безнаказанным, нельзя просто так взять и обидеть хорошего человека. А плохого? А плохого можно? В отношении плохих не надо вмешиваться, плохие сами разберутся. Плохие имеют право валтузить и убивать друг друга. Ну, не в смысле по закону, а в смысле чистоты жанра. Писатели, сценаристы и режиссёры очень хорошо про это знают, они и сюжеты своих книг и фильмов про победу добра над злом на этом выстраивают. Помните, в самом начале такого кино доброго-предоброго главного героя непременно незаслуженно бьют? Его бьют, а он не может ответить своим обидчикам. Почему не может? Ну, по разным причинам. По причине:

- а). очень слабой физической подготовки,
- б). значительного перевеса численности врагов,
- в). врождённой или приобретенной интеллигентности и, наконец, от своей непоборимой доброты.

То есть, наш герой не может дать отпор злодеям по причине своей невозможной любви ко всему живому. Ведь, он так любит каждое деревце, птичку и рыбку, каждую травинку на газоне и всех муравьев в муравейнике, причем, не всех скопом, а каждого муравья в отдельности. В это трудно поверить, но, наш герой любит даже своих обидчиков, тех, кто

сейчас пинает его ногами и елозит расквашенной физиономией по загаженному асфальту.

Всё это придумано для того, чтобы родить в вашей чуткой душе жалость и сочувствие, поднять из самых из глубин волну праведного гнева и жажду отмщения. У вас, не у героя. Герою до этой самой праведной мести ещё надо дозреть. И зреть, я вам скажу, он будет очень долго, весь фильм, на протяжении которого его еще не раз пнут, обидят и поволозят мордой по асфальту. Все это нужно для того, чтобы вы в своем желании сатисфакции дошли до самой критической точки, до предела, до края, чтобы вы вскипели. И вот, когда вы уже дрожите от нетерпения, когда ваши руки, лежащие на подлокотниках кресла, сами собой сжимаются в кулаки – приходит его время. Время Героя. В добром-предобром сердце, наконец, созревает протест, и для врагов наступает час расплаты. И тогда – случается Большая драка. Схлест. Побоище. Месилово. И, в этой последней схватке Добра со Злом, Добро обязательно побеждает, все поверженные гонители огребают по заслугам, а ваше зрительское тело, наконец, получает долгожданную разрядку. Всем хорошо знакомо это состояние невероятного облегчения, умиротворения, ни с чем несравнимого кайфа, когда мы кричим «ура!» торжеству справедливости в мире и душе.

Вот видите, как важно для нас чувство сатисфакции.

Ведь, если не придет, не воздастся по заслугам, не возмздит-ся, то, как говорят господа психологи, гештальт останется открытым. И в эту «открытость» будут заползать бактерии и вирусы ненависти, очень и очень вредные для здоровья.

Видите, если даже из-за кино мы способны так испере-живать, если сердце рвется в клочья от сострадания к вы-мышленному герою, то, что говорить о жизни. И не чьей-то там абстрактной жизни, а нашей собственной. Которую нельзя, как кино – прервать и, как страничку в книжке – пе-релистнуть.

Когда дерутся «плохие» с «плохими» ничего такого с на-ми не происходит, никакие чувства и эмоции из недр души не поднимаются, не всколыхиваются, ничто в тебе не откли-кается. Разве что любишь красивую постановкой самой драки.

У плохих с плохими свои правила игры. Они играют на равных. Вот и я теперь на равных со своим бывшим мужем. И, я не обязана ни прощать его, ни отпустить ситуацию. Те-перь, я разрешаю себе ненавидеть.

А начиналась история моей невероятной любви, как у всех – красиво и многообещающе. И, как все, я наивно по-лагала, что у меня-то уж точно все сложится по-особенному, по самому счастливому из всех возможных сценариев. Так думают все влюбленные люди. Возможно, кто-то там наверху специально вводит их в это трансовое состояние любви, на-

прочь отшибающее интуицию, здравый смысл и способность трезво мыслить. И скорее всего так и нужно, иначе мало кто стал бы жениться, выходить замуж и рожать детей, то есть «плодиться и размножаться», как изначально было завещано всему живому на земле.

Впрочем, не все связывают одно с другим, многие рожают детей вне брака, но, все равно по любви чаще, чем по глупости. Залетая «по глупости», женщина, как правило, делает аборт.

Я не сделала. Я родила ребенка, когда мне было двадцать пять. От мужчины, которого любила больше жизни. Так всегда говорят, когда хотят проиллюстрировать высшую степень нахлынувших на тебя чувств. Хотя, на самом деле никто не знает – сколько из нас взаправду отдадут свою единственную жизнь за объект обожания, если вопрос выбора действительно возникнет.

Теперь я точно знаю – глупости все это. Нельзя класть на чашу весов столь неравноценные вещи. Но, тогда я так не думала. Тогда я была влюблена без памяти и уверена, что готова умереть ради любимого человека.

Это был мой первый мужчина. И это, конечно же, имело значение, потому что ничто нас так не привязывает к человеку, как первый сексуальный опыт. Это потом, когда тебе уже будет с кем сравнивать, влюбившись, ты сможешь хоть изредка включать мозги, а в тот незабываемый момент

первопознания, ты управляема одними лишь чувствами и проснувшимся либидо. А точнее, разбуженным твоим первым мужчиной, которому ты отныне послушна и предана, как собака хозяину.

Я тоже была предана, поглощена своим чувством, накрыта им с головой, когда ни думать, ни спать, ни дышать. Психологи частенько называют такие чувства больными, а отношения созависимыми. Но, в тот момент я пребывала в том совершенно безбашенном двадцатилетнем возрасте, когда всё, что происходит и случается в девичьей жизни – происходит и случается во имя Любви. Именно так – пишется с большой буквы, а произносится с особым трепетом.

Тридцатипятилетний музыкант по имени Борис с демонической харизмой и божественным голосом слёту завладел моим сердцем, душой, разумом, ну и телом, конечно. Я влюбилась в него без памяти, теряя волю, ощущение реальности и себя. Мы жили вместе почти пять лет, с весны по осень обитая на чьих-то дачах, а зимой кочуя с квартиры на квартиру его бесчисленных знакомых, уезжающих на гастроли и в заграничные командировки.

Это было какое-то любовное заповедье. В наших с ним отношениях зашкаливало абсолютно всё – эмоции лились через край, чувства балансировали на грани безумия, связь, замешанная на безудержном сексе и патологической ревности.

сти, дарила ощущение вечного праздника и упоения жизнью. Казалось, что только мы с Борисом живём, живём ярко и неистово, в то время, как все остальные представители человечества лишь влачат жалкое существование. Глупая уверенность в том, что предмет моего обожания из касты небожителей, подкреплялась горящими взглядами его бесчисленных поклонниц.

С бессмысленным упорством и маниакальным постоянством мы постоянно что-то выясняли, закатывая друг другу бурные сцены ревности с оглушительным битьем посуды, рвущими душу прощаниями, уходом навсегда и неистовым перемирием на раскаленных простынях. За перебитую посуду на нас никто не обижался – Бориса любили за талант, неземную харизму и какое-то совершенно магическое обаяние. Одаренные люди, такие, как Борис, становятся для всех своеобразным энергетиком, неиссякаемым источником эмоций, принося в однообразие будней динамику и драйв. А, участвуя в жизни талантливого друга, одновременно исполняя две роли – зрителя и мецената, каждый ощущает себя особенным, значимым, великим.

Борис, и в самом деле, был чрезвычайно талантлив, сочиняя песни, поражающие всех какой-то бездонностью, особым глубинным смыслом, удивительным образом понятным всем и каждому, той пронзительной искренностью и настоящестью от которой обозначается и потом долго ноет сердце.

Всем тем, что каждый из нас носит в себе, пряча в закоулках уязвимой души, доставая с годами всё реже и реже, то, о чём мы надрывно кричим, наслушавшись вот таких пронзительных песен и накушавшись водочки. Кричим или тихо плачем, размазывая слезы по мокрошему лицу крепко сжатым кулаком.

За эту искренность и проникновенность, за идущий от сердца талант Борису прощали всё: денежные долги, пьяные выходки и драки. Прощала и я. На протяжении пяти лет я прощала ему бесчисленные измены, необязательность, зыбкость обещаний и невнятность завтрашнего дня, живя в любовной фата-моргане, как в коконе, не ведая, что есть на свете другие мужчины и совсем другая жизнь.

На одном из приемов врача-гинеколога, к которому мне приходилось наведываться с завидным постоянством, избавляясь от очередной дряни, подаренной моим любвеобильным партнёром, мне был озвучен приговор, повергший в ужас не одну женщину.

Бесплодие. Одно слово, вобравшее в себя столько боли и отчаяния, сколько способны вместить все существующие на свете слова, обреченное, безысходное, до самых до краев налитое женским сиротством.

Борис, как обычно, сидел на подоконнике и курил, сбра-

сывая пепел в приоткрытую фрамугу окна. Сквозняком пепел втягивался обратно и покрывал задумчивую фигуру музыканта серым налетом безнадежности. Во всяком случае, мне тогда так виделось, что «безнадежности».

На звук моих шагов он обернулся и кивнул, улыбнувшись тоже безысходно и пепельно:

– Привет, мышон...

– Привет, – поникшим голосом ответила я и выложила из сумки на стол батон, пакет молока и две сардельки, завернутые в прозрачный полиэтиленовый кулек. При виде еды он немного оживился.

– А сигареты? Сигарет, ты что ли не купила? – с едва заметным раздражением поинтересовался Борис, блуждая взглядом по столу.

– Нет.

– Черт! Так курить хочется, – он схватил со стола батон и отломив от него горбушку размером с четверть, стал поедать ее с жадностью.

– Подожди, я сейчас бутерброды сделаю.

– К чёрту бутерброды! Юлька, я курить хочу!

– Но, ты же сам сказал, что с деньгами у нас не очень, поэтому тратим их только на продукты. Сам же сказал, – растерялась я, пытаюсь оправдаться. – Забыл, что ли?

– Да помню я, помню... – Он скривился недовольно и, соскользнув с подоконника, подошел ко мне, обнял. – просто подумал, что ты к маме заходила...

– Борь, я не могу больше брать деньги у мамы. Ей самой не особо хватает.

– Ну и ладно... Тогда, может, по кофейку?

Он отошел к плите, повернул газовый вентиль конфорки под стоящим на ней чайником.

– Хорошо бы. Только где ж ему взяться – кофейку? – постаралась улыбнуться я, как можно беззаботнее. – Ты же утром последний выскреб.

– А-а, ну да... – Борис скривился, отставил чайник и, вернувшись ко мне, снова обнял. – Ты чего наеженная-то такая? Случилось чего? – он проглотил остатки горбушки, отряхнул крошки с груди и живота и, вынув сардельку из пакета, по-кошачьи вцепился в неё зубами.

– Случилось. Я у врача была, Борь.

– Да?... У какого врача? – поинтересовался мой мужчина рассеянно. Не от равнодушия, просто – был занят. Всецело поглощенный приемом пищи, Борис в эти минуты праздновал свою сардельку, и в его глазах не отражалось ничего кроме вышеупомянутой кошачьей радости. И радость эта царапнула по мне острым коготком.

– Борь, ты издеваешься? Я же тебе утром сказала, что собираюсь к гинекологу.

– А-а-а, ну да... прости... Ты же знаешь, что с утра я никакой... И что – врач? Малыш, надеюсь, ты не беременна? – в его глазах всплыла и замаячила глубинная тревога. – Я вроде старался с тобой аккуратненько...

«А не со мной как?» – хотелось спросить мне, но, я не спросила, вместо этого поспешила его успокоить.

– Нет, Боря, я не беременна.

Он выдохнул. Как мне показалось – облегченно. Или показалось?

– Нет, Боря, я не беременна, – повторила я и добавила. – К сожалению.

– Господи, Малыш, не парься! Да будет у тебя ещё этих спиногрызиков вагон и маленькая тележка!

Он снова принялся шарить по пустым шкафам. Я отошла к окну и, опершись о подоконник, выдохнула с тихим отчаяньем. Больше себе, чем ему:

– Не будет. Ни вагона, ни тележки...

– Какой тележки? – Егор бросил безуспешные поиски, подошёл ко мне, заглянул в глаза.

– Никакой...

– Ты можешь мне толком объяснить, что случилось? – его голос набух тревогой. – Что сказал врач?

– Он сказал... сказал, что я бесплодна... что у меня, практически, нет шанса забеременеть.

– Seriously? Вот засада...

Он покружил по комнате, остановился у стенки, уперся в нее лбом и, стукнув кулаком по облезшим обоям, выдохнул с горечью и злобой:

– Курить-то как хочется, блин...

Потом подошёл ко мне, заглянул с мольбой в глаза:

– Мышонок, у тебя точно ничего нет? Никакой записки? Я же знаю, что ты любишь оставить что-нибудь на чёрный день... Не жмись, дай на сигареты!

– А знаешь, Борис, ты прав... Не нужно ничего оставлять на чёрный день! – я рванулась в коридор, вихрем пролетела по квартире, и, вернувшись, швырнула на стол смятые купюры. – На! Бери! Накупи бухла, сигарет! Потрать всё! Чего ждать? Ведь – вот! Вот – он! Наступил уже, пришёл! – вопила я, глотая слезы.

– Кто пришёл? – не понял Борис, морща недовольный лоб. Его раздражали мои ребусы. В первой половине дня его раздражало всё.

– Тот самый-самый чёрный день! – и реки слёз полились из глаз.

Мужчина отреагировал мгновенно, метнулся ко мне, сгреб в охапку.

– Мышон, ну зачем так мрачно... Я, конечно, ничего не понимаю в этих ваших бабьих делах, но, по-моему, ты себя рано хоронишь. Врачи не боги, тоже частенько ошибаются.

Этим «ты себя рано хоронишь» он словно отделил меня от себя, отсек одной фразой. Стало совсем тошно. Я смотрела на Бориса так, словно видела впервые, как смотрят на незнакомца, силясь понять, что перед вами за человек и стоит ли с ним иметь дело.

– А я думала – это наши с тобой общие дела.

– Ну, конечно общие, мышка! Конечно – общие! – он взмахнул руками, пытаясь меня подбодрить, но тут же поник, опал. – Господи! Как же курить-то хочется!

Борис метнулся в ванную и вернулся оттуда со своими грязными джинсами, вынутыми из стиральной машинки, дрожащими руками обшарил все карманы и через минуту просиял:

– Вот! Вот она родимая! Я же помнил, что ещё где-то была!

Борис потряс перед моим лицом измятой сигаретой, отшвырнул в дальний угол кухни джинсы и, метнувшись к плите, прикурил от газовой конфорки. Сделав первую затяжку, опустился на шаткий стул и блаженно улыбнулся. Покачавшись с минуту на двух некрепких ножках хозяйского стула и сделав еще несколько неторопливых затяжек, он неожиданно воскликнул:

– Слушай, мышонок, так это теперь нам что, можно не заморачиваться? Теперь можно в тебя кончать, да?!

Я слушала его в легком оцепенении, не зная, что ответить. Молчала, разом ощутив, как же неудобно мне в этом чужом, заброшенном доме рядом с этим чужим заброшенным человеком.

Похоже, Борис считал это моё состояние, подорвался, бросил окурок в мойку и опустился передо мной на колени:

– Прости, прости, прости, мышоночек! Сболтнул, не подумав... Конечно, это наша общая беда... одна на двоих... поэтому у тебя от нее только половинка... Мы справимся, Юлька... мы будем бороться, мы обязательно что-нибудь придумаем...

Он выцеловывал мои пальцы, бедра, колени и с каждым его прикосновением в мое заледенелое тело возвращалась жизнь. Когда я окончательно оттаяла и обмякла, Борис подхватил меня на руки и унес на кровать, где снова принялся исцелять, окутывая поцелуями. А потом взял меня, окончательно разомлевшую, взял жестко и жадно, не предохраняясь.

Я просыпаюсь каждый день
С похмельным привкусом свободы.
На кухне кран, стакана тень
Сто грамм воды и ложка соды.

Кофейник пуст. Ещё вчера
Мы выпили с тобой весь кофе.
Лишь пара капель как смола
Остались на твоей голгофе.

А здесь лишь запах твой остался.
Да слева смятая постель.
Чудно. Январь разбушевался.
Но ты ушла. Одна. В метель...*

Он сидел на краю кровати, читал мне с измятого листа, вырванного из тетради в клеточку, свежесочиненные стихи, и я влюблялась в него заново, в тысячный раз собирая по кусочкам своё раскромсанное обидой сердечко, глупое и ненасытное.

– А почему ушла? И в какую метель? Сейчас же лето, – улыбнулась я, призывно переворачиваясь со спины на живот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.